

достигать другие народы посредством языка, в результате чего мы начинаем лучше познавать и себя.

Таким образом, обучение межкультурной коммуникации должно начинаться с пересмотра роли родного языка в обучении, а также взаимоотношений родной язык – иностранный язык, родная культура – иностранная культура.

Однако, обучение языкам и культуре в нашей стране сопряжено с рядом трудностей, так как обучаемые не вступают в реальную межкультурную коммуникацию, т. е. отсутствует возможность общения с носителем другой культуры. Создаваемые в рамках учебного процесса языковые и культурные ситуации не могут быть приравнены к межкультурным явлениям, так как порождаются носителями одной и той же культуры. Несмотря на это преподавание должно стремиться к межкультурному общению, а именно межкультурной компетенции.

Библиографический список

1. Вартанов, А.В. От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур / А.В. Вартанов // Иностранные языки в школе. – 2003. – №2 – С. 21-25.
2. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
3. Сысоев, П.В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка / П.В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2001. – №4.

А.А. Безрукова

РУССКОЕ ОТАББРЕВИАТУРНОЕ СЛОВОПРОИЗВОДСТВО В НАЧАЛЕ И КОНЦЕ XX ВЕКА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Самарский государственный университет

Рассматриваемые временные отрезки – 1910-1930-е и 1970-1990-е годы – оказались весьма привлекательными для наблюдения за развитием и укоренением в русской языковой системе аббревиатурного способа словообразования, ставшего, пожалуй, самой крупной новацией столетия на деривационном уровне. Вростание аббревиатур в системные языковые связи на протяжении XX века шло и на лексическом, и на морфологическом, и на словообразовательном уровнях. В данной работе мы сосредоточимся лишь на развитии словообразовательных связей аббревиатур, а именно: на

образовании производных, мотивированных аббревиатурами, в указанные периоды.

Выбор временных отрезков продиктован не только их начальным и конечным положением на временной оси XX века, но также рядом социальных и лингвистических моментов, тесно друг с другом связанных и определивших направления развития русской аббревиации. В числе главных следует назвать социально-политические преобразования в начале первого периода и конце второго, отразившиеся в языке в виде двух “аббревиатурных взрывов”. Первый произошел в конце 10 – начале 20-х гг., второй – в конце 80 – начале 90-х гг. Результатом и в том, и в другом случае стало значительное увеличение количества аббревиатур. Но если применительно к 1910 годам мы можем говорить о появлении аббревиатур как нового структурного класса слов русского языка, то для 1980-1990-х необходимо подчеркнуть значительную ротацию, произошедшую в составе накопленной к этому времени аббревиатурной лексики.

Исследовательский материал, анализируемый в статье, собран как из периодических изданий этого времени (прежде всего – из газет), так и из лексикографических источников разного рода: для периода 1910-1930 гг. использованы данные “Толкового словаря русского языка” Д.Н. Ушакова; для периода 1970-1990 гг. привлекались словники неологических изданий – выпуски “Новое в русской лексике” с 1977 по 1994 годы, “Новые слова и значения” за 1970 и 1980 годы, “Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения” (под ред. Г.Н. Скляревской). Кроме того, при сборе материала по периоду начала XX века использовались сведения об отаббревиатурных производных, опубликованные в монографии Д.И. Алексеева “Сокращенные слова в русском языке”. Языковые факты в общей сложности представлены 657 словообразовательными гнездами с корневыми словами аббревиатурами. В составе гнезд объединены 1373 производных, образованных от сокращенных слов. Обратимся к анализу исследовательского материала.

Объемы производных от аббревиатур и количество активных в словообразовательном отношении сокращений в начале и конце века существенно различаются. Для периода 1910-1930-х гг. удалось выявить 209 мотивирующих аббревиатур, среди которых подавляющее большинство слоговых (133 или 63,3%). В числе производящих 57 (27,3%) инициальных сокращений, причем аббревиатуры звукового подтипа представлены большим количеством лексем по сравнению с сокращениями буквенного подтипа: первых 35 (16,7%), вторых 22 (10,5%). Третьими по численности оказались сокращения смешанного типа – 13 аббревиатур (6,2%). Отсечения по аббревиатурному образцу и графические сокращения представлены одинаковым количеством единиц – по 3 аббревиатуры (1,43%).

Во второй половине XX века наблюдается иная картина. Во-первых, количество активных в словообразовательном отношении аббревиатур вы-

росло более чем в два раза – нами зафиксировано 448 производящих сокращений. Во-вторых, активность аббревиатур разных типов существенно изменилась. Лидирующее положение занимают сокращения инициального типа – 310 лексем (69,2%). При этом более активными стали буквенные сокращения – 175 мотивирующих (39,1%) – по сравнению со звуковыми (их 135 или 30,1 %). Слоговые сокращения заметно уступают инициальным в продуктивности: нами зафиксировано 113 (25,2%) мотивирующих сокращений данного типа. Практически не изменилась словообразовательная активность смешанных аббревиатур (21 лексема, или 4,68%) и отсечений по аббревиатурному образцу (4 лексем, или 0,9%). Графические сокращения не фигурируют в конце XX века в качестве производящих основ.

Таким образом, наряду с двукратным ростом общего количества аббревиатур, выступающих в качестве мотивирующих основ, наблюдается и изменение активности отдельных аббревиатурных типов: слоговые сокращения к концу века в 2,5 раза снизили свои словообразовательные потенции, тогда как инициальные, напротив, их повысили в 2,5 раза. Конечно же, это положение дел отражает общие тенденции в развитии аббревиатур: слоговые, активно образуемые в первые годы, постепенно становятся менее продуктивным типом, инициальные же, напротив, все более наращивают продуктивность и удельный вес в словарном составе.

Лексический состав производящих аббревиатур в начале и конце XX века имеет крайне мало совпадений. На протяжении всего XX века дают производные 25 аббревиатур: *АМО, Внешторг, военком, Госторг, зав, исполком, к-д/ кадет, колхоз, комсомол, культпросвет, ликбез, Мосторг, нацмен, НЭП, обком, профком, рабфак, райком, санпросвет, совдеп, совхоз, хозрасчет, ЦК, ЧК, юннат.*

Состав производных от аббревиатур в 1910-30 и 1970-90-е гг. также различен. В первую очередь, обращает на себя внимание численность отаббревиатурных образований. Общий объем производных от аббревиатур в начале XX века – 488 слов, в конце века – 885 слов (это в 1,8 раза больше). Кроме того, нельзя не заметить, что количество производных слов, образованных от аббревиатур разных типов, неодинаково. В начале века это соотношение выглядело следующим образом: от слоговых сокращений образовано 272 (55,7 %) производных; от инициальных 155 (31,8%), в том числе от буквенных 50 (10,3%), от звуковых 105 (21,5%); от графических сокращений 37 (7,6%); от смешанных 15 (0,3 %); от отсечений по аббревиатурному образцу 9 (1,8%).

В конце века кардинально изменились показатели продуктивности аббревиатур разных типов: от слоговых сокращений образовано 188 (21,2%) производных; от инициальных 656 (74,1%), в том числе от буквенных 377 (42,6%), от звуковых 279 (31,5%); от смешанных 37 (4,2%); от отсечений по аббревиатурному образцу 4 (0,5%).

Словообразовательная продуктивность инициальных сокращений, таким образом, выросла в 2,3 раза по сравнению с начальным периодом освоения аббревиатур. Напротив, слоговые сокращения утрачивают былые производительные свойства, в конце века они в 2,6 раза реже вступают в словообразовательные связи.

Доля слов различных частей речи среди отаббревиатурных производных в рассматриваемые периоды также колеблется. В начале века объемы имен существительных и имен прилагательных, мотивированных аббревиатурами, примерно равны: 236 (48,4%) и 235 (48,1%). Глагольные формы представлены 12 образованиями (2,5 %). Наречия составляют 5 единиц (1%). В конце XX века заметно увеличилось количество отаббревиатурных имен существительных – 587 дериват (66,3%), и столь же выразительно, но в сторону уменьшения относительных показателей, изменилось число имен прилагательных – 269 производных (30,4%). Численность произведенных от сокращений глагольных и наречных лексем не претерпела существенных изменений: их 10 (1,1%) и 13 (1,4%) соответственно.

Механизмы образования дериватов от аббревиатур также менялись на протяжении XX века. Производные, созданные в результате субстантивации, флексации, семантической деривации, присутствующие в материалах, собранных в источниках 1970-1990-х гг., не фиксируются в 1910-1930-х гг. Что касается наиболее продуктивных в создании отаббревиатурных производных способов, то и в их действии совершенно очевидны различия. Если префиксация и префиксально-суффиксальные способы демонстрируют одинаково невысокую активность в оба периода, то суффиксация и сложение, напротив, весьма активны. В начале века 81,8% производных от сокращений создано с помощью тех или иных суффиксов, а 13,1% – по моделям сложения. В конце века продуктивность названных способов несколько изменилась. Суффиксальный способ дал 68% дериватов, что заметно меньше, нежели в 1910-1930 гг., тогда как путем сложения образовано уже 27,5% производных, что в два раза превышает показатели начального периода.

Репертуар словообразовательных морфем, используемых в конце века для образования отаббревиатурных дериватов, расширился по сравнению с 1910-1930-ми годами. Имена существительные и в начале, и в конце XX века содержат словообразовательные суффиксы *-овец/-евец/-вец* (*военкоровец, гижсеец, МОВИУ-вец; айфовец, атоммашевец, АМОВец*), *-ец* (*коминтернец; дээсовец*), *-ник* (*профсоюзник; агээсник*), *-чик* (*компродчик; госкомитетчик*), *-щик* (*исполкомщик; КВНщик*), *-ик* (*внешторгик; бэтрик*), *-онок* (*комсомоленок; бомжэнок*), *-ист* (*вечекист; гекачетист*), *-ач* (*нэпач; стэмач*), *-изм* (*эсеризм; ГИБДДизм*), *-к-(а)* (*медфачка; айбизмка*), *-оч-(а)* (*удочка; звээмочка*), *-уик-(а)* (*нэпушка; эсбекушка*), *-ш-(а)* (*рабкорша; генсекретарша*), *-цин-(а)* (*нэпманцина; гулаговцина*), *-цй-(а)* (*эсэсэрия; Совдепия*), *-изаций-(а)* (*комсомолизация; совхозизация*), *-ств-(о)* (*ис-*

полкомство; генсекство), -иваниј-(е) (онэпивание). Помимо них в дериватах от аббревиатур в 1970-1990 гг. обнаруживаются суффиксальные морфемы –шник (характеризуется значительной продуктивностью: ФСБшник), –ушник/ –юшник (цэрэушник), –овик (орсовик), –инец (СОЧинец), –ер (спецназер), –навт (НЛОНавт), –ит (наирит), –он (газон), –иад-(а) (БМВиада), –их-(а) (бомжиха), –шк-(а) (гететешка), –овк-(а) (вэбовка), –онк-(а) (камазонка), –ух-(а) (КПЗуха), –овиј-(а) (СНГовия), –юг-(а) (энкаведюга), –иниц-(а) (пэтэушница), –н-(я) (кагебня).

В образовании имен прилагательных наряду с суффиксами –овск-/евск- (военкомовский; агростроевский), –ск- (генкварский; военкоматский), –истск- (главквистский; апристский), –н- (вузный; агропромный), –иј- (комсомолий; политручий), –ов- (предгубисполкомов; ЗИЛовый), отмечавшимися и в начале века, в 1970-1990-е гг. действуют и другие морфемы: –шн- (высокопродуктивная в производстве адъективов от аббревиатур: вэвэшный), –ив- (СОИвий), –еват- (бомжеватый), –атск- (фымышатский).

Некоторые суффиксальные морфемы, использовавшиеся в именном словопроизводстве от сокращенных основ в начале века, в конце века перестали функционировать: у имен существительных –тель (госиздатель), –ин-(а) (сельхозина), –ость (комсомольность), –овицин-(а) (лефовцина), –чиц-(а) (наркоматчица), –иц-(а) (шкрабица), у имен прилагательных –ачий/ –ячий (комсомолячий), –ист-(ый) (нэпистый).

Заметно (в три раза!) сократилось количество дублетных, вариантных дериватов, образованных с участием синонимических суффиксальных морфем. Если в начале века их обнаруживается 22,3%, причем часты случаи образования трех, четырех синонимов (волисполкомец, волисполкомовец, волисполкомцик; рабкорша, рабкорка; цектрановский, цектраный, цектранистский, цектранский), то в конце века дублетные формы составляют 7,6 % (агропромовец, агропромицик; бээмпэшка, бээмпуха; военкоматовский, военкоматский; гулаговский, гулагский). Интересно, что наиболее существенно сокращение вариантных форм отразилось в группе производных имен прилагательных, где в 1910 – 1930 гг. дублетность была значительно более выразительно представлена по сравнению с именами существительными.

Серьезные изменения произошли, как уже отмечалось, в образовании производных от аббревиатур способом сложения. Как и в прочих случаях, иным – большим – стало не только количество дериватов, созданных таким образом, иными стали и соотношения по продуктивности разных моделей внутри этого способа словопроизводства. Если в 1910-1930 гг. сложные производные чаще всего давали не сами аббревиатуры, а их дериваты (41,4% случаев) (колхозно-кооперативный, совхозно-колхозный, пепэсовско-эндецкий, пролеткультовско-богдановский), то в конце XX века первенствуют производные первой ступени, их 93,5% (АКДС-вакцина, киновуз, райунивермаг, СПИДофольклор, МЖКстрой).

Наибольшую активность имеет модель “аббревиатура + несокращенное слово”, ее дериваты составили 62,1% от общего количества производных по моделям сложения: *ВИЧ-больной, город-ВАЗ, ГЭС-малютка, ДНК-анализ, КВН-команда, КГБ-манья, колхоз-пайщик, пэкашка-игрушка, СВЧ-датчик*. В начале века производные по этой модели составили всего 13,7%. Второй по продуктивности в 1970-1990 гг. следует назвать модель «аналитическое прилагательное + аббревиатура», давшую 23,3% дериватов: *агроГУЛАГ, ЕвроСОИ, киновуз*. Ее производные в 1910-1930 гг. составляли 20,7% от сложений в целом. Снизилась до 4,3% в конце века продуктивность модели “аббревиатура + соединительная гласная + слово” (*спидофобия, СПИДофольклор, МММоподобный, СПИДоподобный, спидопозитивный, спидоустойчивый*). Ранее она дала 17,2% производных (*эсеро-меньшевик, энэкооперация, зверосовхоз, зерносовхоз, конесовхоз*).

Подводя некоторые итоги, нужно сказать об очевидном упорядочении отаббревиатурного словопроизводства на протяжении XX века, а также о расширении возможностей словообразовательного освоения аббревиатур в русском языке.

Источники

1. Известия. – 1918-1935 гг.
2. Комсомольская правда. – 1920-1935 гг.
3. Коммуна. – 1919-1935 гг.
4. Литературная газета. – 1925-1930 гг.
5. Правда. – 1919-1935 гг.
6. Труд. – 1918-1935 гг.
7. Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов, 1979.
8. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1977. – М., 1980.
9. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1978. – М., 1981.
10. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1979. – М., 1982.
11. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1980. – М., 1984.
12. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1981. – М., 1986.
13. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1982. – М., 1986.
14. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1983. – М., 1987.
15. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1984. – М., 1989.
16. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1985. – СПб, 1996.
17. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1986. – СПб, 1996.
18. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1987. – СПб, 1996.
19. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1988. – СПб, 1996.
20. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1989. – СПб, 2001.
21. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1990. – СПб, 2004.
22. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1991. – СПб, 2005.
23. Новое в русской лексике: Словарные материалы 1994. – СПб, 2006.
24. Новые слова и значения: по материалам прессы и литературы 70-х гг. – М., 1984.

25. Новые слова и значения: по материалам прессы и литературы 80-х гг. – М., 1997.

26. Толковый словарь русского языка конца XX столетия: Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб, 1998.

27. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940.

Hagen Peukert,
Prof. Dr. Josef Wallmannsberger

FREQUENCY AND SIMILARITY: A STATISTICAL APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE LEXICON

*Department of General and Computational Linguistics,
Kassel University*

As we have shown elsewhere [10], detecting word boundaries using transitional probabilities between speech units can be substantially improved by deploying additional statistical information in the text, such as the most frequent phoneme chains. This idea also simulates a possible interplay between bottom-up and top-down processes whereas the top-down information was extracted in the previous bottom-up calculations. We have further improved the algorithm and now like to present the results of two issues. First, how do recursive structures influence the outcome of the segmentation process depended on the size of the sample and, second, how can we use this information in building a lexicon. In a wider sense, both questions are related to language acquisition, which is seen as a meta-model for copying efficient processes of automatic language learning.

The algorithm used in [10] calculated all transitional probabilities occurring between one to five phonemes of a corpus sample and inserted whitespaces at a predefined limit running from 0 to 1. This value was defined as a frequency ratio of the total occurrences of the entire phoneme chain and the occurrences of its subparts. Moreover, the five most frequent n-grams were taken from the text and we gave evidence that these n-grams carry additional cues for word segmentation since most of the time they happen to be words if merged into larger sets, thus, each defining two more word boundaries if thrown back into the corpus. The most recent version of the algorithm has three alterations. First, it does not take the most frequent n-grams of the corpus sample, but calculates a predefined number of the words that are separated from the transitional probabilities calculations. These words are saved in a list, which represents some preliminary lexicon. Second, the recursive structure can be defined by the